

Замѣтки о журналахъ.

апрѣль 1856.

Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, Чичерина.

Отъ «Русскаго Вѣстника» публика ожидала хорошихъ ученыхъ статей и не ошиблась въ этомъ предположеніи: въ двухъ первыхъ томахъ, онъ далъ читателямъ много хорошихъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ нѣмало справедливо заслужили общее вниманіе. Не будемъ перечислять всѣхъ статей по различнымъ отраслямъ науки, назовемъ только важнѣйшія, или по интересу содержанія, или по именамъ авторовъ, или по тому и другому вмѣстѣ. Главнѣйшимъ образомъ, «Русскій Вѣстникъ», подобно всѣмъ нашимъ журналамъ, интересуется разработкою исторіи русской литературы и русской исторіи; такъ и должно быть, потому что публика нынѣ по преимуществу интересуется этими предметами.

Характеръ общаго воззрѣнія, которымъ «Русскій Вѣстникъ» намѣренъ руководиться при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся исторіи нашей литературы, опредѣлился, кажется, съ болѣе или менѣе достаточною для его читателей ясностью направленіемъ статьи г. Каткова, «Пушкинъ». Авторъ занятъ изслѣдованіемъ художественной стороны въ произведеніяхъ нашего великаго поэта, опредѣленіемъ и уясненіемъ законовъ творчества; которые съ особенною точностью могутъ быть подмѣчены въ его талантѣ. При этой высокой точкѣ зрѣнія, конечно, историческая связь художника съ его вѣкомъ, біографическія мелочи и общественное значеніе его созданій имѣютъ только второстепенное значеніе, и все клонится къ разрѣшенію чисто эстетическихъ задачъ. Большая часть рецензій, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подтверждаютъ своимъ характеромъ увѣренность, возбуждаемую этой капитальной статьей журнала: онъ хочетъ быть органомъ художественной критики. Конечно, литература наша можетъ отъ этого только выиграть, и каждое опредѣленное, твердое, вѣрное себѣ направленіе имѣетъ цѣну уже потому, что въ основаніи его лежитъ убѣжденіе. Статья г. Анненкова «О значеніи художественныхъ произведеній для общества» оченъ вѣрно соответствуетъ направленію, выражаемому эстетическимъ изслѣдованіемъ г. Каткова. По исторіи

литературы, «Русскій Вѣстникъ» представилъ прекрасную статью г. Савельева, извѣстнаго нашего ориенталиста: «Н. И. Надеждинъ». Г. Савельевъ въ послѣднее время былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному редактору «Телескопа», и воспользовался оставшимся послѣ него отрывкомъ автобіографіи, чтобы высказать нѣсколько вѣрныхъ и теплыхъ замѣчаній о литературной дѣятельности и личныхъ качествахъ этого замѣчательнаго писателя. Превосходно написавъ и чрезвычайно интереснъ отрывокъ изъ воспоминаній нашего знаменитаго романиста И. И. Лажечникова: «Знакомство мое съ Пушкинымъ».

По русской исторіи замѣтны статьи г. Соловьева «Древняя Русь» и «Августъ-Людвигъ Шлецеръ», г. Д. Милютина «Суворовъ», г. П. К. Щ—аго «Правленіе царевны Софіи», и г. Чичерина «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи». О каждой изъ нихъ мы должны сказать по нѣскольку словъ, а изслѣдованіе г. Чичерина, касающееся вопроса очень важнаго и въ высшей степени интереснаго и представляющее выводы, совершенно различныя отъ общепринятаго доселѣ взгляда, заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, и мы готовы были бы посвятить ему не нѣсколько словъ, а нѣсколько десятковъ страницъ.

«Древняя Русь» г. Соловьева — общій взглядъ на историческія отношенія Россіи къ западной Европѣ; главная мысль автора, что нашъ народъ всегда стремился быть однимъ изъ европейскихъ народовъ, хорошо извѣстна была публикѣ, какъ одно изъ основныхъ понятій г. Соловьева. «Августъ-Людвигъ Шлецеръ» — не изслѣдованіе о значеніи трудовъ этого ученаго по русской исторіи, а біографическое введеніе къ этому изслѣдованію, безъ сомнѣнія, приготовляемому авторомъ. Г. Соловьевъ рассказываетъ жизнь Шлецера до отъѣзда изъ Россіи, въ 1767 году. Статья эта принадлежитъ къ числу лучшихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Д. А. Милютинъ далъ журналу не менѣе, если еще не болѣе занимательную главу изъ первой части своемъ «Исторіи итальянскихъ войнъ». Личность Суворова очень вѣрно понята и ясно очерчена въ этомъ обзорѣ его жизни до назначенія главнокомандующимъ русской арміи, посланной въ Италію. «Правленіе царевны Софіи», г. Щ—аго, возбудило общее вниманіе догадками о томъ, кто этотъ г. Щ—инъ, загадочная подпись котораго въ первый разъ является въ нашей литературѣ, подъ статьею, отличающеюся если не глубокимъ изученіемъ источниковъ, то хорошимъ рассказомъ, если не новымъ взглядомъ на людей и событія, то, во всякомъ случаѣ, удачнымъ выборомъ эпохи, очень важной и мало разработанной нашими историками. Когда любопытство, возбужденное именемъ автора, остыло, многіе отъ одной крайности перешли къ другой и стали отнимать у рассказа всѣ достоинства. Это несправедливо: статья г. Щ—аго, конечно, не есть капитальное произведеніе великаго историческаго таланта или глубокой учености, но она написана живо и хорошо.

Важнѣйшая въ научномъ отношеніи статья, изъ всѣхъ доселѣ помѣщенныхъ «Русскимъ Вѣстникомъ» — «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», принадлежитъ молодому ученому, также, если не ошибаемся, въ первый разъ выступающему на литературное поприще. Намъ кажется, что трудъ г. Чичерина имѣетъ существенныя недостатки, но, тѣмъ не менѣе, надобно ожидать отъ дѣятельности автора прекрасныхъ результатовъ для науки.

лишь бы только онъ продолжалъ трудиться, какъ началъ, продолжалъ сочувствовать не мелочнымъ, хотя блестящимъ, подробностямъ внѣшней исторіи, а великимъ вопросамъ нашего историческаго быта: для первыхъ всегда найдется довольно компиляторовъ и разсказчиковъ, вторые нуждаются въ даровитыхъ изслѣдователяхъ. Первая статья г. Чичерина встрѣчена живымъ сочувствіемъ каждаго просвѣщеннаго читателя, одобреніемъ всѣхъ замѣчательныхъ специалистовъ. Желать надобно, чтобы это побудило его идти по дорогѣ, на которую вступилъ онъ рѣшительно и удачно, а другихъ молодыхъ ученыхъ—слѣдовать его примѣру. Достоинства изслѣдованій г. Чичерина такъ несомнѣнны, что мы не боимся высказать откровенное мнѣніе о тѣхъ сторонахъ его труда, которыя вызываютъ критику.

Г. Чичеринъ былъ возбужденъ къ своему изслѣдованію, какъ видно, мнѣніемъ о патріархальномъ происхожденіи нашей сельской общины, высказаннымъ въ извѣстной книгѣ барона Гакстгаузена. У него родилось желаніе провѣрить изученіемъ фактовъ это понятіе, показавшееся ему несправедливымъ. Онъ сталъ искать въ исторіи подтвержденія или опроверженія доказательствъ, приводимыхъ Гакстгауеномъ,—нашелъ, что ихъ можно опровергнуть, опровергъ и удовлетворился этимъ, полагая, что опровергнуть слова Гакстгаузенга значитъ доказать неосновательность мнѣнія, раздѣляемаго знаменитымъ путешественникомъ. Онъ остановился на Гакстгаузенѣ—это была, намъ кажется, первая ошибка съ его стороны. Авторъ «Путешествій по Россіи» авторитетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, политической экономіи, если угодно, въ этнографіи и многомъ другомъ, касающемся современнаго быта, но не въ исторіи. Онъ излагаетъ вопросъ, обратившій на себя вниманіе г. Чичерина, только мимоходомъ, не развивая въ надлежащей полнотѣ и точности доказательствъ, на которыхъ основывается мнѣніе, кажушееся ему справедливымъ. Эта неполнота и неточность опровергаемаго писателя послужили причиною неполноты и неточности и въ опроверженіи. Если бы г. Чичеринъ, начавъ съ Гакстгаузена, не остановился на немъ, а перешелъ къ нашимъ историкамъ, онъ нашелъ бы истинныхъ своихъ противниковъ, отъ побѣды надъ которыми и зависитъ успѣхъ его дѣла, потому что у нихъ мнѣніе о патріархальномъ происхожденіи русской общины подкрѣпляется гораздо сильнѣйшими доказательствами, нежели у нѣмецкаго экономиста. Онъ нашелъ бы тогда необходимость сообщить болѣе строгости и самымъ приемамъ, употребляемымъ у него при рѣшеніи вопроса. Теперь же многіе существенно важные для рѣшенія вопроса факты, выставленные нашими историками въ такомъ видѣ, которымъ подтверждается патріархальное происхожденіе нашей общины, онъ оставляетъ безъ вниманія, о нѣкоторыхъ другихъ высказываетъ понятія едва ли согласныя съ нынѣшнимъ состояніемъ русской исторіи, и вообще полагаетъ доказаннымъ многое вовсе недоказанное, и, наоборотъ, лишеннымъ доказательствъ многое кажушееся нынѣ положительно доказаннымъ. Оттого и результаты его изслѣдованій, въ которыхъ несомнѣнно есть доля правды, являются не вполнѣ доказанными, а часто и рѣшительно преувеличенными. Не считаемъ научнымъ доводомъ той мысли, которою, будто твердѣйшимъ аргументомъ, заключается его статья: «сравнивать наши общины съ патріархальными общинами другихъ народовъ значитъ отрицать въ насъ историческое развитіе»—это вовсе не аргументъ:

во-первыхъ, паука должна стремиться не къ тому, чтобы доказать ту или другую пріятную или непріятную для насъ мысль, вносимую въ науку извѣй, а просто къ открытію истины, какова бы она ни была; во-вторыхъ, неподвижность сельскихъ общинъ вовсе не есть доказательство неподвижности всего нашего историческаго существованія: извѣстно, что общій ходъ историческаго движенія состоитъ въ расширеніи его круга; начинается оно съ передовыхъ классовъ общества и достигаетъ низшихъ слоевъ народа, что совершается очесъ медленно. И въ Англіи и во Франціи народъ еще недавно и очень мало вовлеченъ въ историческое движеніе; тѣмъ естественнѣе полагать, что у насъ оно еще и не касалось сельскаго быта, и факты доказываютъ, что историческими дѣятелями у насъ доселѣ были только высшія сословія и, отчасти, города: о народѣ исторіи упоминаетъ рѣдко, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, какъ въ 1612 году, да и то для того только, чтобы тотчасъ же опять забыть о немъ. Удивительно ли послѣ того, что историческое движеніе очень мало касалось внутренняго быта сельскихъ общинъ? Такъ и думаютъ обыкновенно, полагая, что онѣ составляютъ остатокъ патріархальнаго быта. Г. Чичеринъ приходитъ къ совершенно другимъ выводамъ, которые выражены имъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Изъ историческаго обзора сельскихъ учреждений мы можемъ вывести слѣдующее:

1. Что наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою изъ естественнаго союзу людей, а устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.

2. Что она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ свой характеръ посреди историческаго движенія. Она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, не имѣющей никакого сходства съ исторіею западныхъ славянскихъ племенъ.

3. Что наша сельская община имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по какимъ развивался въ весь общественный и государственный бытъ Россіи. Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою, а изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними: тогда не было ни общаго владѣнія землею, ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, ни передѣла земель, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учреждений. Все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца. и значеніе сельской общины было чисто владѣльческое и финансовое.

4. Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцовъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разможенія податей на души».

Если бы эти положенія были подтверждены рѣшительными доказательствами, всѣ наши понятія о внутренней исторіи русскаго быта совершенно измѣнились бы, чему, сказать кстати, нельзя было бы не радоваться, потому что новыя, вводимыя мнѣніемъ о недавнемъ происхожденіи нынѣшней сельской общины, представляли бы гораздо болѣе пріятнаго личнымъ желаніемъ почти каждаго изъ насъ. Но дѣло въ томъ, что г. Чичеринъ, исключительно занимаясь Гакстгаузенонъ, недостаточно, какъ намъ кажется, опровергъ мнѣніе о патріархальномъ происхожденіи нашей сельской общины, только раздѣляемое нѣмцкимъ путешественникомъ, но вовсе не имъ основанное и опирающееся на

многочисленных фактах, не приводимых, конечно, у Гакстгаузена я не рассмотренных в статье нашего исследователя. Кроме того, как нам кажется, Г. Чичерин допустил в основных своих понятиях некоторую неясность, чему причиною опять изложение Гакстгаузена, который, как мы сказали, не имел намерения углубляться в исторический вопрос, чуждый его специальности. Г. Чичерин скромно говорит, что «не имел претензии написать полную историю сельской общины, а хотел только выставить на вид некоторые исторические данные, могущие служить к уяснению этого важного вопроса». Мы, ограниченные тесным пространством трех-четырех страниц в этом журнальном обзоре, еще менее можем предъявлять претензию на полный разбор его прекрасной статьи, обильной и новыми фактами и новыми взглядами: мы хотим также только высказать некоторые замечания относительно ее существенных положений. «Наша община не родовая, она не образовалась сама собою из естественного союза людей», потому что в нее вторглись чуждые элементы, именно она подпала под власть чуждого ей князя и его дружины. Но автор не исследовал, в каком отношении эти владельцы стали к внутреннему быту общины. Касались ли они ее внутреннего устройства, или довольствовались тем, что собирали подать, брали ратников в время похода и присвоили себе право судить, по старым обычаям? Все доказывает, что они ограничивались этою заботою о собственных правах и выгодах, этими чисто внешними отношениями, и, если община исполняла свои обязанности к владельцу, она отдавала свои домашние дела как хотела. «Земля стала собственностью князя и других владельцев, а не общины.» Что же тут важного для общинного начала? и ныне земля составляет собственность государства или помещика, а не общины; за крестьянами, ее населяющими, признается только право пользования ею, а не собственности,—но делить ее между собою по старому общинному началу никто им не мешает,—ни государственная администрация, ни помещик. Так и всегда было. В каких бы руки ни переходила высшая власть над землею, которую населяют и непосредственно обрабатывают поселяне, они все-таки обрабатывали и делили ее между собою по старому обычаю. Владельец в это не вмешивался, потому что это не касалось его интересов. Правда, прямая выгода побуждала его, как побуждает и ныне, часть земли, находящейся в его владении, брать в собственное пользование и обрабатывать ее посредством натуральной повинности, возлагаемой им на поселян, или отдавать в наем. Г. Чичерин, находя в древних памятниках факты, указывающие на обычай отдавать землю в наем, видит в них доказательство, что в XIV—XVI или в XII—XV вѣках (наугад определяем эпоху, к которой надобно относить по его теории падение общины, потому что он сам не определяет его точным образом) община совершенно исчезла. Это несправедливо. Никто не думает, чтобы когда нибудь все пространство русской земли делилось между членами общин: напротив, за выделением каждому участка для обработки, всегда оставалось множество земли: она принадлежала племени, или общине; потом, когда явились владельцы, принадлежала владельцу, как ему принадлежала и земля, предоставленная в обработку общине, живущей под его властью; и если эта часть земли, не

принадлежащая къ участку, обрабатываемому общиною, отдавалась въ наемъ, это нисколько не мѣшало внутреннему порядку общины, которая оставленная ей земли все-таки дѣлила между своими членами. Право найма существовало и въ патріархальной общинѣ,—этого никто не думалъ отрицать. Продажа и покупка разныхъ участковъ земли отдѣльными лицами также не мѣшаетъ признавать, что общинное владѣніе продолжалось. Никто не думалъ отрицать, что подлѣ общинныхъ земель издавна возникли частныя владѣнія. Напротивъ, историки наши говорятъ объ этомъ положительно и находятъ, что количество земли, состоящей въ частной собственности, постепенно увеличивалось; но все-таки бѣольшая половина обрабатываемой земли оставалась въ общинномъ владѣніи (если община была независима отъ частнаго владѣльца) или, по крайней мѣрѣ, въ обработкѣ у общины съ прежнимъ обычаемъ дѣлежа (если община находилась подъ властью частнаго лица). Третью причину утверждать, что родовая община въ XIII—XVI вѣкахъ исчезла у насъ, авторъ находитъ въ переселеніяхъ крестьянъ, которые тогда не были крѣпки зоиѣ: родственники могли расходиться, чуждые другъ другу люди сходиться. Это опять ничего не доказываетъ. Никто не думалъ утверждать, чтобы общинность владѣнія земли въ какомъ нибудь селѣ Ивановѣ или Петровѣ въ XVI или XV вѣкѣ зависѣла отъ того, что все поселяне, живущіе въ немъ, ечаютъ себя потомками одного и того же лица, Ивана, жившаго въ XII вѣкѣ, или Петра, жившаго въ IX вѣкѣ. Они могли быть совершенно посторонніе другъ другу люди и знать, что не находятся въ родствѣ — и все-таки они по старому обычаю дѣлили землю. Ученые, думающіе, что община наша имѣетъ патріархальное происхождение, не то полагаютъ, чтобы до XVII вѣка не существовало на Руси никакихъ отношеній, кромѣ родовыхъ: напротивъ, они показываютъ, какъ мало-по-малу развивались отношенія, чуждыя родовому быту, и говорятъ только, что по старому обычаю, при отсутствіи причинъ поступать иначе, на эти новыя отношенія переносились формы и учрежденія родового быта. Такъ было и съ общиннымъ началомъ. Принимая въ общину посторонняго человѣка, ему давали въ XV вѣкѣ участокъ земли, какъ то дѣлается и нынѣ. Притомъ, авторъ, повидимому, представляетъ себѣ, что до укрѣпленія поселянъ за землю переселенія отдѣльных лицъ съ одного жительства на другое происходили въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какого они навѣрное не имѣли. Нельзя предполагать, чтобы до конца XVI вѣка поселяне наши «предавались», какъ онъ выражается, «кочевой жизни», и чтобы на Юрьевъ день дороги покрывались безчисленными обозами переселенцевъ. Безъ особенныхъ, чрезвычайно сильныхъ причинъ, безъ крайней необходимости земледѣлецъ не рѣшится на переселеніе: оно очень трудно для него. И чѣмъ внимательнѣе вникнемъ въ данныя, сохраненныя для насъ актами, лѣтописями, пѣснями, записками иностранцевъ, тѣмъ тверже убѣдимся, что распоряженія объ укрѣпленіи поселянъ за землю были вызваны не столько желаніемъ прекратить бродяжничество, сколько другими соображеніями, о которыхъ упоминаетъ и г. Чичеринъ. Самое приведеніе въ исполненіе этой мѣры доказываетъ, что число дѣйствительно пользовавшихся прежнимъ обычаемъ было не слишкомъ значительно, и что масса населенія въ началѣ приняла новую мѣру довольно равнодушно, болѣе какъ формальность, нежели какъ существенное измѣненіе въ матеріальномъ положеніи.

Слѣдствія обнаружилась уже черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ то указано, между прочимъ, и г. Соловьевымъ въ «Обзорѣ событій конца XVI и начала XVII столѣтій.» А когда поселяне рѣшались переселиться, это чаще всего дѣлалось не отдѣльными людьми, а цѣлыми волостями или селами. Причины были общія для всѣхъ жителей села или волости—недостатокъ земли, или обременительность условій, или слухъ о лучшихъ условіяхъ. Да и нынѣ подобные факты совершаются большею частью сообща всѣми поселянами, а не отдѣльными искателями приключеній. Словомъ, ближайшее соображеніе фактовъ убѣждаетъ, что число новыхъ пришельцевъ въ общинѣ никогда не могло быть такъ значительно, чтобы разстроивать ее: община сидѣла на мѣстѣ, а когда двигалась—что случалось рѣдко, и не съ многими общинами—то двигалась вся вмѣстѣ, и черезъ переселеніе измѣнялись только ея мѣстожителство и внѣшнее отношеніе къ владѣльческой власти, а не внутреннія отношенія между поселянами, ее составлявшими. Такимъ образомъ, доказательства, на которыхъ основывается заключеніе г. Чичерина о совершенномъ упадкѣ общинныхъ отношеній между членами самой общины въ XIII—XV вѣкахъ, не представляются убѣдительными. Община не разрушалась: она только потеряла значеніе въ общей государственной жизни, не имѣла вліянія на историческія событія,—это безспорно; но эти событія не коснулись ея внутренняго устройства, потому что никому не было охоты обращать на него вниманіе. Г. Чичеринъ, кажется, смѣшалъ эти существенно различные факты, внѣшнее безсиліе и бездѣйствіе принялъ за смерть. Но если бы община умерла въ XVI вѣкѣ, какимъ образомъ и когда могла бы она воскреснуть, и, притомъ, воскреснуть въ совершенно прежнемъ видѣ? Г. Чичеринъ считаетъ ея возстановленіе слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ съ финансовою цѣлью: подати вѣрнее уплачиваются цѣлою волостью, нежели отдѣльными лицами. Но, во-первыхъ, эти причины существовали и прежде; во-вторыхъ, гдѣ доказательства того, что общинное владѣніе землею возстановлено административными мѣрами? Такихъ указовъ нѣтъ; напротивъ, общинное владѣніе постоянно упоминается въ узаконеніяхъ, какъ старинный обычай. Да и когда обычное право (*les coutumes*), если оно умерло въ жизни, возстановлялось письменнымъ законоположеніемъ? Этому нѣтъ ни одного примѣра не только въ русской, но и ни въ какой другой исторіи. Характеръ писаннаго всегда нововведеніе, и что касается вопросовъ владѣнія—всегда до сихъ поръ во всѣхъ странахъ—все болѣе и болѣе строгое развитіе правъ личной собственности. И наконецъ, какимъ образомъ созданная мѣрами правительства съ финансовою цѣлью въ XVII—XVIII вѣкахъ русская община могла бы походить своимъ внутреннимъ устройствомъ на патриархальную общину другихъ славянскихъ племенъ? Г. Чичеринъ просто отрицаетъ это сходство, не представляя доказательствъ своему отрицанію. Онъ имѣлъ бы основаніе отрицать только тогда, если бы сравнилъ внутреннее устройство русской, сербской и пр. общинъ; а этого-то именно онъ и не сдѣлалъ. Словомъ, если онъ хочетъ, чтобы наука приняла его мнѣніе объ исчезновеніи у насъ сельской общины въ XIII—XV вѣкахъ и возрожденіи ея административными мѣрами въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, онъ долженъ представить новыя доказательства, которыя опровергали бы понятія нашихъ историковъ и факты, ими выстав-

ленные на первый планъ въ исторіи нашего внутренняго быта. Если сдѣлать это, наши спеціалнсты, конечно, первые порадуются тому, что ихъ ошибка будетъ открыта, потому что истина для ученаго, преданнаго своей наукѣ, дороже всего. Но мы должны сказать, что опровергнуть понятіе о нашей общинѣ, какъ остаткѣ глубокой древности, а не созданіи XVЦ — XVIII столѣтій—дѣло очень трудное и едва ли возможное.

Мы прямо высказали наше мнѣніе о положеніяхъ, которыя старается доказать г. Чичеринъ, потому что никакія противорѣчія не отнимутъ у его статьи важнаго достоинства: она — первое подробное изслѣдованіе о вопросѣ, чрезвычайно важномъ, и если рѣшеніе, предлагаемое авторомъ, не будетъ принято наукою, то безъ сомнѣнія, спеціалнсты отдадутъ справедливость тому, что трудъ его представляетъ много матеріаловъ для исторіи русской общины, особенно внѣшнихъ ея отношеній къ владѣльцамъ; существенное же значеніе для русской исторіи несомнѣнно приобрѣтетъ она тѣмъ, что послужитъ исходною точкою для новыхъ изысканій,—и, судя по качествамъ, какіи обнаружилъ авторъ въ своемъ первомъ трудѣ, надобно желать, чтобы онъ принялъ участіе въ этихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

По всеобщей исторіи читателями «Русскаго Вѣстника» была замѣчена статья г. Кудрявцева «Карлъ V». О лекціи покойнаго Грановскаго «Океанія и ея жители» мы уже имѣли случай говорить.